

Ли Чу всегда терпеть не мог сезон дождей: нескончаемые ливни, пропитанные едва уловимой прохладой.

Мрачность, сырость, гнетущая тяжесть и пробирающий до костей холод — вот как Ли Чу описывал это время. На самом деле, положив руку на сердце, Ли Чу ненавидел не сам сезон дождей, а то, каким он сам становился в эти дни.

Трусливым и никчёмным.

В ушах зашумел ветер, листва задрожала, и этот сухой треск проник прямо в сознание Ли Чу. Это был верный знак того, что сезон дождей вот-вот вступит в свои права.

На столе стоял ужин, который заботливо приготовила для него приёмная мать. Ли Чу уложил её отдыхать, выбившись из сил, весь в поту. А снаружи уже разгулялась буря: ледяные, пронизывающие порывы ветра пробирались под одежду, трепали ткань, обжигали живот и вытягивали последние остатки тепла из измождённого тела.

Ли Чу был худым, почти прозрачным. Ветер задирает полы его рубашки, обнажая старые и новые шрамы, покрывавшие всё тело. Впрочем, к этому он давно привык.

Глядя на тарелку, Ли Чу впервые за долгое время почувствовал некое подобие покоя. Он не стал разогревать еду, решив есть холодную, заветрившуюся пищу. Первый же кусок, попавший в рот, заставил вкусовые рецепторы взбунтоваться от переизбытка соли, но Ли Чу всё же проглотил его.

Он молча смотрел на ужин, и слёзы сами собой покатались из глаз. Он не знал, что стало причиной: невыносимо солёная еда или тяжёлая болезнь матери. Солёная влага скользнула по губам, оставляя горький привкус.

— У-у-у...

Желудок скрутило спазмом, к горлу подступила тошнота. Ли Чу поспешно отставил тарелку, прикрыл рот рукой и бросился прочь из дома.

Когда приступ закончился, он почувствовал себя совершенно обессиленным, словно из него выпили всю воду. Бледный, как полотно, Ли Чу бессильно осел на землю, позволяя дождю поливать себя.

Он всхлипывал, и слёзы, смешиваясь с дождевыми каплями, текли по щекам. Солёные, до невозможности солёные. Он не понимал, что ему сделать, чтобы небо перестало его карать. Он никогда не жаловался на несправедливость, он покорно принимал всё, что уготовила судьба, но его всё равно не оставляли в покое.

Струна в его душе, натянутая до предела, готова была лопнуть. Его духовная опора рушилась.

В состоянии полного помрачения — быть может, это дождь напомнил ему о чём-то — Ли Чу с огромным трудом поднялся из положения сидя на колени. Сложив руки в молитвенном жесте, искренне и благоговейно, он начал молиться этому дождю о том, чтобы его приёмная мать была здорова и прожила долгую жизнь.

Средняя школа Хуасинь.

Глаза Ли Чу были красными и опухшими, тело — слабым, но, к счастью, лихорадки не было. Перед выходом в школу он специально подождал, пока мать не забудется сном: он боялся, что если она увидит его таким, то начнёт волноваться.

Стоило Ли Чу войти в класс, как он тут же уткнулся лицом в парту, пытаясь отгородиться от окружающего шума. Он лежал тихо, никого не трогая, но всё равно нашлись те, кто нарочно — или невзначай — бросал в него предметы.

— Эй, он что, кони двинул? Почему никакой реакции?

— Давай кинем ещё раз, проверим?

— У меня от одного вида мурашки по коже, если хочешь, кидай сам.

— Ну и кину! Чем будем?

— На, возьми набивной мяч.

— Ты что, спятил? Хочешь его убить? Если такой мяч прилетит, он точно концы отдаст.

— Да хватит ныть! Жизнь у него гроша ломаного не стоит. Если пришибём — отвечу, я могу себе позволить.

— Тогда я кидаю?

— Кидай, а если не получится — я попробую.

— Я кидаю, я кидаю!

Удар по голове отозвался резкой болью, но Ли Чу почти не среагировал: он давно онемел. Физическая боль значила гораздо меньше, чем та, что разъедала сердце. Он был полностью подавлен, в его душе не осталось ни капли надежды на лучшее.

Увидев, что Ли Чу даже не шелохнулся, те двое переглянулись и зашептались в замешательстве:

— Он... он что, правда сдох?

— Да чего ты боишься? Паршивая жизнь, сдох — значит, мусор убрали.

— Но ведь...

— Что ещё за но? Не о чем тут жалеть.

— Ты... ты куда пошёл?

— Проверю, испустил ли дух этот выродок!

Те, кто стоял дальше, затаили дыхание. Наблюдая за приближением одноклассника, они следили за каждым его движением, боясь пропустить что-то важное.

— Ну что там?

— Чёрт, дышит.

— Не пугай меня! Мне не по себе.

— Сердце бьётся, не сдох ещё, гадёныш.

— О, ну тогда ладно.

Ли Чу не проронил ни звука. Он и сам не знал, чего боится больше всего. Он с трудом дождался конца занятий. Когда класс опустел, Ли Чу медленно поднял голову.

Возможно, из-за того, что он слишком долго сидел в одной позе, шея затекла, а место удара на макушке горело огнём. Резкая боль прошла нервы — Ли Чу даже не нужно было проверять, чтобы понять: из раны течёт кровь. Она уже засохла, склеив волосы, но внимание Ли Чу было приковано к другому.

С безразличным видом он посмотрел на оконное стекло: его отражение было размытым, неясным пятном. Пряди волос прикрывали шрам на виске — то, что он меньше всего хотел бы помнить. Но дни, которые он желал вычеркнуть из памяти, словно в насмешку, напоминали о себе этими отметинами, напоминая о прошлом, на которое было невыносимо оглядываться.

Словно соль на открытую рану — она впитывалась в самое его существо.

Поплутав немного, Ли Чу всё же пришёл в своё тайное убежище. Он решил дожждаться заката, прежде чем возвращаться домой.

<http://bllate.org/book/22343/2340959>